

А. Тайгин

Социалистический реализм

Заметки о советской литературе

Издательство ЦОПЭ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

А. Тайгин

Социалистический реализм

Заметки о советской литературе

**ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ СССР (ЦОПЭ)**

МЮНХЕН

1958

Printed in Germany

Druck: Dr. P. Belej, München 13, Schleissheimer Str. 71.

ВВЕДЕНИЕ

«Будущее нашей литературы — в ее прошлом» — сказал один умный человек. Эту мысль можно выразить и такими словами: в будущем наша литература преемственно будет создаваться на тех же принципах гуманизма и человечности, на которых была создана, единственная в своем роде, литература дореволюционная. Через годы и литературного лихолетия, каким был, продолжает оставаться и останется, конечно, до конца, так называемый советский период, в литературе будет переброшен мост — от великих традиций прошлого на другой берег пропасти — к послебольшевистскому будущему. Это безусловно так и будет когданибудь, не может быть иначе: будущее нашей литературы — в ее прошлом.

Ну, а сейчас? Какими координатами можно сейчас определить положение нашей литературы, как сейчас определить ее пути и ее уровень? Сейчас пути нет. Руководство КПСС, заставив литературу, как впрочем и все виды духовного творчества, обслуживать плоские будничные партийные лозунги, загнало ее в такие болотные топи, что ни о каком пути говорить уже и не приходится. Оправдались слова большого русского мыслителя — Федотова, который справедливо заметил «каждая диктатура — это прежде всего пошлость». Руководство КПСС опошвило нашу литературу, едва ли не в большей степени, чем какой либо иной вид творчества. Орудие, которым это преступление было произведено, определяется словами -- социалистический реализм.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Что собственно кроется за сочетанием этих слов — социалистический реализм? Есть ли это определение какого то нового литературного течения, какой то новой философской концепции, суммы новых литературных форм, приемов и методов?

На эти вопросы было дано очень много ответов, но ни один из них, ни все они вместе не рассеяли тумана над этим таинственным термином. Скорее наоборот, с каждым новым ответом туман становился еще плотнее.

Вот определение социалистического реализма из официального документа, из Устава Союза Советских Писателей, принятого на втором съезде:

«Социалистический реализм... требует от художника правдивого, исторического конкретного изображения действительности в ее революционном развитии»...

Во-первых это не определение, это не ответ на вопрос — что такое социалистический реализм? Это только его требования, предъявляемые художнику. Требования, сформулированные в словах-пустышках, «правдиво» — (какое литературное направление требует изображать действительность лживо?), «исторически-конкретно», «в революционном развитии». А что эти термины значат? Если ответить из этой цитаты словесную шелуху, то... то собственно ничего больше и не остается.

Может быть это только неудачная формулировка, может быть самим писателям, владеющим, как они уверяют, методом социалистического реализма, более ясно чем, собственно, они владеют? Послушаем писателей.

Вот один из литературных столпов, главный докладчик на четвертом пленуме Правления Союза писателей СССР, Н. С. Тихонов. Патетически он заявил:

«Мы будем утверждать и доказывать и в печати и на трибунах пленумов и съездов, что социалистический реализм есть живой и творческий метод советской литературы, мы никому его не уступаем — (кто претендовал на то, чтобы его взять?) и отстоим в любом споре, ибо этот метод — знамя советской литературы» ...

Опять такая же словесная шелуха — «живой», «творческий» ... Можно ли из этого заключать, что Толстой и Достоевский, Чехов и Бунин писали методом мертвым и нетворческим. Одно из двух — или их произведения гроша ломаного не стоят, или они все были социалистическими реалистами. Но если это так, то что же тогда в этом самом социалистическом реализме нового? И еще одно: как метод может быть знаменем — эту тайну писатель Тихонов не открыл.

Еще большую путаницу в определение соцреализма вносит утверждение Тихонова, что, дескать:

«Социалистический реализм позволяет брать любую форму, любой стиль и жанр, если только этот стиль, эта форма или жанр наилучшим образом способны выразить творческие замыслы писателя» ...

Очевидно все-таки, что речь идет не о каких то внешних литературных формах и приемах, а о чем то

ином. Это так и есть. А о чем именно — мы увидим позднее. А сейчас — слово писателям.

Выступивший на том же пленуме Корнелий Зелинский заявил:

«Мы не всегда правильно отвечали на вопрос: что такое социалистический реализм? Мы стремились включить все, что написано советскими писателями, в понятие социалистического реализма и это, я думаю, было ошибкой».

Тут как раз, казалось бы, и место сказать, как же было бы правильно ответить на вопрос: да что же собственно этот самый социалистический реализм, наконец, собой представляет? Но, увы, ответа и здесь не последовало.

Не больше ясности внесла и писательница Г. Мусрепова, заявившая:

«Много хороших и интересных книг зарубежных писателей, посвященных борьбе с фашизмом, борьбе с колониализмом, мы охотно и совершенно правильно преподносим нашим читателям, но не знаем, куда их отнести — то ли к литературе социалистического реализма, то ли к литературе критического реализма . . . »

Оказывается есть еще и «критический реализм», но тогда вопрос с социалистическим становится еще более запутанным. Впрочем в последней цитате есть зародыш какой то новой мысли — к ней мы еще вернемся.

И, наконец, еще два высказывания, выгодно отличающиеся от всех остальных непосредственностью, большей откровенностью и понятностью. Это высказывания писателей — покончившего самоубийством Александра Фадеева и Михаила Шолохова.

Как известно, весной этого года Михаил Шолохов посетил Варшаву и дал там интервью польскому журналу «Литературне новины». Отвечая на вопрос, что он думает о социалистическом реализме, Шолохов сказал:

«Вопросы теоретического характера в мою компетенцию не входят. Я просто писатель. Но я расскажу вам, что сказал по этому поводу мой друг Александр Фадеев незадолго до его смерти. Я спросил его тогда, что ответил бы он, если бы его кто-нибудь спросил, что такое социалистический реализм?»

Он сказал: «Если бы кто-нибудь об этом спросил, я должен был бы ему по-совести ответить: черт его знает, что он собственно представляет собой».

Шолохов продолжил:

«Может быть, отвечая так, Фадеев шутил и таким образом хотел упростить ответ на заданный ему вопрос. Если бы я был вынужден ответить от моего собственного имени, то должен сказать, что по-моему социалистический реализм представляет собой как раз то, что поддерживает власть советов и что написано простым и понятным художественным языком. Это является не теоретическим объяснением, а авторским опытом. Для теории есть теоретики, которые должны поставить под нее подпорки и прибить их теоретическими гвоздями» ...

Отвечая на вопрос, считает ли он свое творчество соответствующим основным принципам социалистического реализма Шолохов ответил:

«Слушая этот вопрос, я вспоминаю, что критики сначала называли мои произведения произведения кулацкого писателя. Позже я был для них «контрреволюционным» писателем. В последнее время обо мне начали говорить, что я всю жизнь был социалистическим реалистом».

«Теоретические гвозди» о которых говорил Шолохов предполагается вколачивать на предстоящем 3-ем съезде советских писателей. Во всяком случае такое пожелание было выражено все на том же четвертом пленуме.

Н. Лесючевский (издательство «Советский писатель») — заявил:

«Третий съезд писателей СССР должен будет помочь сформулировать такие теоретические положения, которые полнее и глубже раскроют понятие метода социалистического реализма... От этого зависит наша борьба с ревизионизмом в международном масштабе. Это важно также с точки зрения объединения усилий советских писателей с усилиями прогрессивных писателей Запада и Востока. У нас иногда считали: если хорошее, прогрессивное произведение — значит обязательно социалистический реализм. У нас иногда сектантски, догматически толкуют социалистический реализм, это оттесняет от нас наших друзей писателей, но также вредна и неправильна попытка толкования социалистического реализма с позиций всеядности»...

Итак: третий съезд будет ставить под социалистический реализм подпорки и скреплять их «теоретическими гвоздями». Что из этого получится — покажет будущее, а пока что остается непонятным — как пи-

сатели пользуются методом соцреализма, как созда-лась, якобы, целая литература социалистического ре-ализма, когда для самих же писателей этот самый «ме-тод» остается какой-то абракадаброй.

На самом деле: из приведенных выше высказыва-ний мы имеем такие суждения о социалистическом реализме: это «литературный метод не имеющий опре-деленного «стиля, жанра и формы», это теоретическая сырость — (без подпорок, без гвоздей), это «живой и творческий метод» это — то, что «поддерживает власть советов», это «черт его знает что он собственно пред-ставляет собой» и, наконец, это «знамя советской ли-тературы». Картина, как видим, вполне ясная . . .

В чем же тут дело?

А дело вот в чем: социалистический реализм — это не новое литературное течение, не особая форма изло-жения творческих мыслей, не сумма определенных методов и литературных приемов. Социалистический реализм не из категории таких понятий как роман-тизм, символизм или просто реализм, он определяет не особое восприятие и изображение мира, он определяет (строго и совершенно точно) толь-ко исклю-чительно самое содержание литературных произведе-ний. И в этом весь секрет. Выше, ведь, мы отметили, что и сами писатели судят о принадлежности литера-турных произведений к социалистическому реализму по их содержанию.

Содержание каждого произведения — романа, повести, рассказа, театральной пьесы и киносценария — должно отвечать двум требованиям:

во-первых — необходимо показывать, что в советской действительности все прекрасно в основном и в целом, и что есть только некоторые еще несовершенные детали в частности и

во-вторых — каждое произведение должно заканчиваться «хэппи энд» — счастливым концом (как третьестепенные фильмы в западной продукции кончаются обязательным поцелуем) — то есть коммунистическая добродетель должна торжествовать, а порок или во всяком случае то, что ей противостоит, должно быть наказанным.

Естественно, что далеко не всякую тему можно, даже и покрывив писательской совестью, свести к такому благочестивому концу. Поэтому писатели берутся только за темы, где такой конец, повторяю, несколько покрывив совестью, все-таки можно пристегнуть. Темы же где этого сделать нельзя, остаются за пределами литературы и это самое «за пределами» превышает по своему объему и значимости в тысячи раз то, что остается в рамках пределов. Так советской литературе совершенно неведомы такие проблемы человеческой жизни как смерть, страдание, одиночество, любовь в чистом виде, без всяких производственных примесей и так далее и так далее, проблемы, которые всегда находились и будут находиться в центре внимания настоящей большой мировой литературы.

Но это еще, увы, далеко не все. Писатели не всегда имеют возможность братья за темы, которые можно как то втиснуть, умять в куцых рамках социалистиче-

ского реализма. Часто в угоду требованиям партийного руководства литература в целом занимается одной и той же тематикой.

Вспомним: сколько произведений было написано между 1934-ым годом и началом войны на центральную тогда тему: враги народа и их разоблачение. В тысячах вариантов на сцене, на экранах и на страницах литературных произведений решалась эта, с позволения сказать, «проблема». Литературные критики в то время просто так и писали, что вот, дескать, у писателя Иванова враги народа изображены недостаточно, но зато сцена их разоблачения воспроизведена более наглядно, а у писателя Петрова не удалась как раз именно сцена разоблачения. Враги народа, шпионы, диверсанты, агенты иностранных разведок были в созвучных той эпохе произведениях таким же необходимым атрибутом, как хор богов в древнегреческих трагедиях. Где только и кто их не обнаруживал и не ловил. Академики и колхозники, офицеры и шахтеры, работники транспорта и работники прилавка, несовершеннолетние дети и преклонные старики — все это с великим энтузиазмом (если верить литературным произведениям того времени) охотилось за «вражескими элементами». Страна билась в судорогах от чисток, процессов, ежовщины, миллионов бессудных и ни на чем не основанных казней и ссылок, а литература на тысячи голосов кричала «ату его», разоблачи, поймай. В какой то значительной части целое поколение удалось воспитать в уверенности, что человечество состоит из агентов и разведчиков с одной стороны и из простофиль, которые являются жертвами этих злоумышленников с другой. Кого количественно больше в мире — еще неизвестно. В дурмане пресловутой «бдительности» «инженеры душ» нередко переступали

грань между просто манией преследования и патологией как таковой. Один из сотрудников газеты «Социалистическое земледелие» уверял в своем очерке, что чуть ли не вся колхозная Русь в целом распевает такую частушку:

Каждый кустик, бугорок я
Обжожу со всех сторон:
За кусточком иль за кочкой
Может быть, сидит шпион...

Можно представить себе эту планетарную кадрили, когда каждый индивидуум из стомиллионной крестьянской массы обходит «со всех сторон» каждый «кустик и бугорок». Это бы выглядело как какое то помешательство, если бы утверждения борзописца хотя бы в какой то степени соответствовали действительности. Но таково было требование литературы социалистического реализма того на веки проклятого дикого времени...

Вспоминается рассказ из журнала «Огонек» года 37-го, 38-го (название улетучилось из памяти). В этом шедевре, все-таки оставшемся, вероятно, непревзойденным рассказывалось о том, как какая то смышленная коняга из части пограничной охраны самостоятельно обнаружила и задержала двух агентов иностранной разведки, просочившихся через советскую границу, несмотря на то, что она как известно была «на замке». Помните этот фильм? Он был тоже поставлен на высотах социалистического реализма и как позднее оказалось «предвосхитил» события 22-го июня 1941 года..

Война... О начале ее так пишет Борис Пастернак в своем романе «Доктор Живаго». Кстати сказать в романе, украденном партийным руководством у русской литературы, хотя посвящен он автором именно русскому народу. Роман этот, (он уже вышел в переводе на итальянский и французский язык, в самом ближайшем будущем выходит по английски и по немецки, готовится издание и в оригинале, то-есть на русском языке), расценивается литературными критиками как величайшее литературное произведение 20 столетия не только русской литературы, но и мировой.

Пастернак пишет:

«Когда разгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти была благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы»...

И дальше:

«Война — особое звено в цепи революционных десятилетий. Кончилось действие причин, прямо лежавших в природе переворота. Стали сказываться итоги косвенные, плоды плодов, последствия последствий. Извлеченная из бедствий закалка характеров, неизбалованность, героизм, готовность к крупному, отчаянному, небывалому...»

Нашло ли все это хоть какое то отражение на страницах литературы социалистического реализма? Никакого. И я имею в виду не годы войны, годы войны, естественно не время для расцвета литературы, а послевоенные годы. Нет, никакого. Эти темы не по плечу социалистическому реализму, а прежде всего они не-

угодны душителям литературы. Эти темы остались за пределами литературы и останутся за ними до тех пор пока социалистический реализм будет сидеть гнойной язвой на теле искусств и прежде всего на литературе. Слабая попытка изобразить часть действительности военных лет такой как она была на самом деле сделана в «Молодой гвардии». Все помнят, что получилось из этого: в трижды переделанном произведении не осталось и следа тех крупиц истины, которыми и первый то вариант не был перенасыщен.

Но война кончилась. Трудно удержаться, чтобы не прибегнуть еще раз к тому же «Доктору Живаго». Пастернак пишет о первых послевоенных годах:

«Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» . . .

«Предвестие свободы носилось в воздухе» . . . Но к тому времени уже полусумасшедший диктатор, как Кощей в сказке, дряхлеющей старческой рукой схватил все-таки свободу за горло. В 48 году исполнителем его воли Ждановым литература была поставлена опять на проторенную тропинку социалистического реализма. Относительным вольностям, допущенным на время войны, — (без них трудно было не только победить, но и воевать вообще) пришел конец. Над жизнью великой страны воцарилась опять полярная стужа. Мечта царского министра Победоносцева «заморозить Россию» второй раз оказалась осуществленной руководителями коммунистической партии Советского Союза.

«Предвестием свободы» повеяло снова и едва-ли не в большей степени, чем после войны, весной 53-го года. Диктатор умер. А это подсознательно всеми воспринималось как конец диктатуры. Конец же диктатуры значил не больше не меньше как начало новой жизни, как наступление того, что Борис Пастернак определил словами «просветление и освобождение»...

В могильном камне, которым придавлена была духовная жизнь страны образовались трещины. В них сразу же начали пробиваться свежие ростки. Парадокс: прожженный циник и способнейший из хамелеонов, Илья Эренбург первым крикнул о том, что началась оттепель. Она и должна была начаться, ее ждали с неменьшим основанием, чем после победы.

Литература не реагирует с быстротой фотографического аппарата. Нужно время, иногда годы, чтобы большие процессы в общественной жизни бросили свою проекцию на литературные страницы. В данном случае — (не считая нескольких журнальных статей, начиная со статьи В. Померанцева «Об искренности в литературе») — прошло три года, пока не появились первые ласточки предвестницы «просветления и освобождения».

1956-ой год... Год весенних предчувствий, «предвестия свободы», год ожидания подлинной оттепели и, наконец-то, наступления «просветления и освобождения». Но перед этим нужно очистить жизнь от вчерашнего хлама и грязи. Поэт Леонид Мартынов так видит это очищение:

... Но на Центральный склад утиля,
на бесконечный задний двор
везут ночами в изобилии
отходы всякие и сор.

За возом воз, обоз громаден,
и диво даже посмотреть
на то что за день, только за день
отжить успело, устареть.

Везут как трухлые поленья,
как барахло, как ржавый лом,
ошибочные предоставления
и кучи мнимых аксиом.

О Господи! Кому их жалко!
Грядущий день, давай пророчь,
какую кривду примет свалка
на завтра, в будущую ночь.

Какие тягостные грузы
мы свалим в кладовые мглы,
какие разорвутся узы
и перерубятся узлы...

(«Итоги дня» — алманах «День поэзии», 1956 г.)

И «барахло» и «ржавый лом», и «кучи мнимых аксиом» и «тягостные грузы» — это далеко не в последнюю очередь, а для поэта, может быть и в первую — социалистический реализм, эта «кривда» которую дол-

жны были принять «свалка» и «кладовые мглы». У порога новой жизни должно было остаться все, что калечило, уродовало, делало порой невыносимой и всегда тягостной жизнь старую. Действительно «обоз громаден» можно нагрузить этой трухлядью переполнявшей жизнь двух поколений.

Трогательны в своей подкупающей непосредственности строчки другого поэта — Семена Кирсанова, из поэмы «Семь дней недели», опубликованной в том же 1956-ом году:

...И в такой-то муторной
хмури на рассвете
захотелось

 утренней
новизны на свете,
захотелось врезаться
в дело

 как ракета,
захотелось дерзости
мысли,

 звука,
 цвета ...

.

 захотелось
 замысла
с преувеличением,
чтобы все казалось нам
первым

 увлечением,
чтобы нас насытили
верой и доверьем,
чтоб не жить

 просителем
за безмолвной дверью.

Захотелось солнечной
наконец-то встречи,
радостной, до полночи,
долгой-долгой речи,
наконец —

открытого
разговора всюду,
без шептанья скрытого:
«Не случиться б худу . . . »

Желание более, чем скромное. То, чего захотелось поэту — «мысли, звука, цвета», «чтоб не жить просителем за безмолвной дверью», «открытого разговора всюду» — все это есть, как нечто само собой разумеющееся, как воздух, в нормальной человеческой жизни. «Захотелось» того — хотелось то, конечно, всегда, только говорить об этом нельзя было — чего лишен был народ, (а сейчас снова лишен), все долгие годы, действительно, небывалого и невиданного в истории владычества диктатора-маниака.

Но зарницы полыхали недолго. Уже в конце того же 1956-го года поэт комсомолец Ев. Евтушенко (впрочем сейчас из комсомола исключенный) в поэме «Станция Зима» тревожно отмечал:

Да, перемены, да, но за речами
Какая-то туманная игра,
Твердим о том, о чем вчера молчали,
Молчим о том, что делали вчера . . . »

А другой поэт Константин Ваншенкин пророчески предсказал, чем и как закончатся ожидания, казалось бы вот уж совсем такой близкой весны:

. . . Мы думали, что будет торжество,
Но нас в то утро горько обманули.

(А мы так много ждали от него.

А мы такими гордыми уснули...)

«Нас горько обманули...»... Черная реакция перешла в наступление по всему фронту... Реакция украдала сначала победу, добытую в тяжелейшей из когда либо бывших войн, добытую народом, а потом украдала свободу, которая, казалось, непременно должна была прийти после смерти Сталина. Его соучастники по многолетним преступлениям перед народом с большим проворством вскарабкались на трон владыки и уже очень скоро и недвусмысленно показали, что от смерти тирана получили профит только они. Они быстро оправившись от страха — (помните их просьбу-закливание «не поддаваться панике и разброду») — и скоро дали понять, что аппарат властвования и угнетения остается в своем прежнем виде, только вместо умершего их хозяина располагать аппаратом будут они — наследники.

Зарницы полыхали недолго. Но каждая из них по своему освещала и особенно наглядно показывала мерзость окружающей реакции, продолжающей плестись по обочинам большого раскинутого впереди светлого пути. Когда миллионы людей с радостным волнением и предчувствием «просветления и освобождения» читали названные выше стихи, рассказы Гранина, Яшина, Нагибина, роман Дудинцева и другие — рядом продолжала существовать и литература социалистического реализма. Тут все осталось по старинке: писались романы, повести и рассказы, которые еще до появления их перед читателем уже были макулатурой, которые если и читали, то только преодолевая невыразимую скуку, навеваемую ими. Сразу же после войны появилась и новая центральная тема, вместо довоенных врагов народа и их разоблачения появился новатор-

передовик борющийся за свое рационализаторское предложение. Так же как и до войны на рынок хлынуло мутным потоком это нечитабельное чтиво. В сотнях и тысячах произведений, опять в романах, повестях, рассказах, в сценариях фильмов и театральных пьесах трактовалась и трактуется эта центральная тема.

Конструкция этих литературных опусов так же незамысловата, как и литература о вредителях, шпионах и диверсантах. Как пример: молодой инженер, ну, скажем, начальник цеха, борется за внедрение какого то своего нового метода производства, ему оказывают сопротивление старший инженер завода — (с заслугами в прошлом, но отставший от жизни). Молодой, в конце концов, при поддержке какого-нибудь партийного бодрячка, часто это секретарь райкома, побеждает. Старший инженер или не признает своего заблуждения, или, по требованию хорошего тона (хэппи энд) признает. Лирический элемент не отсутствует тоже: в награду за пережитые неприятности — (в начале произведений дело с внедрением новшества обстоит совсем плохо) — молодой победитель получает руку и сердце любимой девицы, нередко дочери посрамленного и раскаявшегося (или нераскаявшегося) противника. В произведении строго выдержанном в духе социалистического реализма последняя сцена — свадебный пир. Вот и все. Да, само собой разумеется место действия в зависимости от технических познаний автора произведения — (технические познания всегда безукоризненны) — переносится из промышленности то на транспорт, то в сельское хозяйство, то на фронт медицинского обслуживания, то в научное учреждение. Но от этого меняется только техническая сторона дела: все остальное остается неизменным.

Измельчавшая по содержанию и до предела ограниченная по объему тематика давно уже определила и состав литературных героев. Однообразие тем вполне естественно породило и гнетущее однообразие литературных персонажей. Как из жести штампованные, плюгавенькие, как две капли воды похожие друг на друга, эти «герои» расхаживают по сценам театров, экранам кино и страницам литературных произведений. На каждом из них ярлычок, как раньше «враг народа», и «честный патриот», так теперь «новатор», «консерватор» и так далее. Они резонерствуют, такими же как и они сами штампованными фразами, говорят исключительно на производственные темы, говорят долго, нудно и всегда одинаково. Если взять их, этих «героев» из разных литературных произведений разных авторов, из фильмов и пьес, перетасовать на колоду карт, а потом разбросать наугад по разным произведениям, фильмам и пьесам, никто не заметит перемен, не заметят вероятно и сами авторы, ни одно произведение от этого не станет ни лучше ни хуже, а так и останется, как оно было — экспонатом литературы социалистического реализма. О внутреннем мире этих персонажей говорить не приходится — его просто нет, вместо внутреннего мира у положительных героев — производственный график, а у отрицательных какойнибудь соответствующий замыслу произведения порок. Но даже внешне они похожи друг на друга как близнецы — (ну, разумеется положительные на положительных, а отрицательные на отрицательных). О положительных литературный критик Ю. Капусто писал как то в журнале «Новый мир» (ноябрь 1953-го года):

«... герои бесконечно хмурятся, закусывают губу, бесконечно двигают бровями, усмеваются, слышат какие то запахи, глаза у них горящие или блестящие, а руки, пальцы и щеки горячие, и утренний ветер не раз врывается в окна и листает тетради...»

Ю. Капуто писал это о героях разных произведений одного автора, но с таким же правом мог бы написать и обо всех положительных героях литературы социалистического реализма.

Так обстоит дело с этой «литературой»...

Как же относятся читатели к ней, к этой литературе? Можно было бы привести тысячи высказываний — менее резких, более резких, открытых, завуалированных. Ограничимся одним, особенно важным потому, что это суждение детей, школьников. В повести Л. Кабо «В трудном походе» («Новый мир», №№ 11 и 12, 1956, — опять 1956 год) школьники говорят о книге награжденной Сталинской премией:

« — Я читать не мог, тошнило. В самом деле, почему так получается: в книжке одно, а в жизни другое? Я у дяди в колхозе был этим летом: там колхозники три года ничего по трудодням не получают. Представляете? Вот о чем надо писать. Там в половине деревни в избах пусто. Надо писать, почему так получается, или не надо? Надо. А писатели вместо этого слюни распускают. Разнюнются, наболтают сиропа, читать противно. Нет вы скажите мне, я серьезно спрашиваю: почему они правды не пишут?

— Пишут. Иногда...

— Спасибо — иногда. Я всегда хочу читать правду...»

Это говорят дети в частности о книгах, в которых по словам В. Померанцева («Об искренности в литературе») «люди банкетно, смачно, обильно, общеколхозно едят».

Ну, а как представляется дело самим писателям, социалистическим реалистам, авторам таких произведений. Скажем прямо: им представляется по другому — (если судить по тому, что пишут и говорят, думают ли они так же — это другой разговор).

Н. Грибачеву, выступавшему на четвертом пленуме правления Союза писателей СССР, например, представляется так:

«...ни одна литература мира не выдвинула за последнее столетие столько общепризнанных талантов, ни одна не дерзала на такой смелый поиск нового и не поднималась до такого высокого понимания гуманизма и человечности, как наша литература»...

А главному докладчику на том же пленуме Н. С. Тихонову так:

«...В мире, до нас, жили великие писатели, но ни один из этих гениев не мог писать о том, о чем выпало счастье писать нам...»

Трудно удержаться, чтобы не прервать цитату и не преисполниться состраданием и сочувствием к Сервантесу и Шекспиру, к Гете и Пушкину, к Достоевскому, Толстому и Чехову. Бедные гении — они были лишены возможности писать о... впрочем вторая часть цитаты нас успокаивает вполне и оказывается гениев жалеть не нужно (представляем слово дальше Н. С. Тихонову):

«...ни один из этих гениев не мог писать о том, о чем выпало счастье писать нам — (внима-

ние!) имеющим возможность рассказать человечеству о советских людях, социалистическом обществе, о преобразовании природы и человека» . . .

Перечисленные выше писатели прошлого были действительно лишены этой возможности, так что у Грибачева и Тихонова перед ними все преимущества.

Характерна забота социалистических реалистов о том, чтобы человечество — (не больше и не меньше) — не осталось без их социалистических произведений.

Опять слово Н. С. Тихонову:

«Партийные указания по вопросам литературы и искусства всеми писателями нашей страны были восприняты как верный ориентир в той ответственной большой, важнейшей работе, к какой призваны мы, какой ждет от нас вся наша страна, все прогрессивное человечество» . . .

«Партийные указания по вопросам литературы и искусства» — это небезизвестные «указания» всестороннего специалиста — (от кукурузы до живописи и скульптуры) — первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева. Так вот по мнению Н. С. Тихонова «все прогрессивное человечество» с великим нетерпением ждет результата этих «указаний» . . . Вообще дух Никиты Сергеевича бодро витал над четвертым пленумом, с особенным оживлением тогда, когда на трибуне стоял Н. Грибачев. Вот несколько выдержек из его коротенького выступления:

«Если говорить о наших сегодняшних задачах, то — и с этим согласно подавляющее большинство писателей — (какая неожиданность!) — они в наиболее исчерпывающей и четкой форме изложены в выступлениях Н. С. Хрущева . . .»

Дальше:

«Мы, литераторы, можем с удовлетворением и благодарностью отметить, что Н. С. Хрущев, выступая как партийный и государственный деятель и рассматривая проблемы литературы примени-

тельно ко времени и стране, исходил в то же время из великих и бесспорных традиций русской литературы . . . »

Еще дальше:

«После выступлений Н. С. Хрущева заметно оживилась литературная жизнь в республиках и областях . . . »

И наконец:

«Выступления товарища Хрущева, заботы партии создали все условия для нового подъема нашей литературной жизни и нашей литературы» . . .

Но вернемся, однако, к выяснению взаимоотношений между отечественными социалистическими реалистами и остальным человечеством.

Другой подхалим, некий И. Анисимов с пышным титулом директора Института мировой литературы придерживается об этих взаимоотношениях такого мнения:

«Уже сорок лет мы двигаемся по самой середине фарватера всемирной литературы, увлекая за собой все наиболее значительное и яркое в литературе буржуазного мира. По настоящему изучить этот процесс, показать изменение характера всемирной литературы в результате нашего 40-летнего вмешательства в ход ее — исключительно важно . . . »

Итак Н. Грибачев, И. Анисимов, Н. Тихонов и их коллеги по социалистическому реализму плывут «по самой середине фарватера всемирной литературы», плывут уже сорок лет. Сейчас осталось уже пустяки — нужно только подсчитать «изменения характера все-

мирной литературы» в результате их сорокалетнего плавания. Господи Боже, иногда приходится искренно радоваться, что за границей все-таки не так много людей читающих по-русски, а кроме того читающие (так хочется надеяться) все-таки вот эту белиберду не читают. Если бы читали, право, из-за таких вот заявлений стыдно было бы называться русским. Стыдно не потому что это бахвальство, а потому что уж слишком глупое бахвальство.

И еще одно, последнее заявление, сделанное на том же четвертом пленуме на эту тему. Уже цитируемый нами К. Зелинский сказал:

«... В библиотеках всего мира есть полки книг русских советских авторов. Жаль только, что в зарубежных библиотеках мало произведений писателей других народов СССР»...

Предположим, что К. Зелинский искренно заблуждается и если это так (если по другому, то отвечать вообще не стоит) то, так же искренно, должны его разочаровать: полок таких в библиотеках всего мира нет. В некоторых библиотеках есть некоторые книги и не больше. На многие языки переведен «Тихий Дон» Шолохова, встречаются (очень редко) отдельные книги Ильи Эренбурга и это пожалуй все. Искать на иностранных языках литературные упражнения социалистических реалистов — напрасный труд. Их не переводят. Да и кто бы их читал. Кто из свободных людей читал бы эти убогие по замыслу и скучные по выполнению агитки-романы и агитки-повести. Даже члены зарубежных коммунистических партий не в силах побороть скуку, навеваемую этими «произведениями». А что они могут навеять кроме скуки? Так что И. Анисимов, собирающийся подсчитывать барыши от своего вмешательства во всемирную литературу, был бы

очень разочарован. Вмешательство это не имело места вообще — и его плавание «по самой середине фарватера» нужно отнести к (впрочем довольно потешной) фантазии.

Такова литература социалистического реализма. А настоящей литературы в данное время у нас нет. Она будет, непременно будет, она родится тогда, когда «просветление и освобождение» станут, наконец, не мечтой, не скрытым желанием, а действительностью.

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ СССР (ЦОПЭ)
ZOPE, München 2, Gaiglstraße 25, Deutschland / Germany

МЮНХЕН

1958